

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «ВРАГА» И «ДРУГА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛАРУСИ (1945–1953 гг.): ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И ЛИЧНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ¹

ВЕРА БЕЛОКРЫЛОВА
ТАТЬЯНА КАПИТОНОВА
АЛЕКСЕЙ КРЫСЕНКО

Аннотация: Представлен концептуально-методологический инструментарий (цели, задачи, используемая методология, особенности реализации) международного научно-исследовательского проекта «Эволюция образов «врага» и «друга» в послевоенных Беларуси и Украине, 1945–1953: идеологические нарративы и личные повествования». Сформулированы основные результаты исследования.

Ключевые слова: идеологический нарратив, образ «врага», образ «друга», устная история, послевоенное десятилетие.

---

¹ Ознакомиться с развернутыми результатами исследования, представленными в виде брошюры на русском и английском языках, можно на сайте Исторической мастерской Европы:

<http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/12125%20ENEMIES%20AND%20FRIENDS%20ENGL.pdf>

<http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/12125%20ENEMIES%20AND%20FRIENDS%20RUS.pdf>

Данный проект реализован в рамках международной программы Geschichtswerkstatt Europa, при финансовой поддержке немецкого фонда Erinnerung, Verantwortung, Zukunft.

ISBN 978-9955-12-958-5 (ONLINE)

ISBN 978-9955-12-959-2

THE EVOLUTION OF THE “ENEMY”
AND “FRIEND” IMAGES IN POST-WAR BELARUS,
1945–1953: IDEOLOGICAL NARRATIVES
AND INDIVIDUAL MEMORIES

Abstract: Conceptual and methodological tools (the goals, the objectives, the methodology, the features of the implementation) of the international research project «The Evolution of the “Enemy” and “Friend” Images in Post-War Belarus and Ukraine, 1945–1953: Ideological Narratives and Individual Memories» are given. The main theoretical results of the project are represented.

Keywords: Ideological Narrative, the “Enemy” Image, the “Friend” Image, Oral History, the Post-War Decade.

В 2012 году в рамках международной программы «Историческая мастерская Европы» авторами был реализован научно-исследовательский проект «Эволюция образов «врага» и «друга» в послевоенных Беларуси и Украине, 1945–1953: идеологические нарративы и личные повествования». Наши усилия были направлены на изучение послевоенной трансформации идеологических конструктов «врага» и «друга» сквозь призму исторической памяти жителей Беларуси и Украины. В частности, нами было проведено исследование «субъективной истории», т.е. устных свидетельств очевидцев событий прошлого и их сопоставление с соответствующим пластом пропагандистской риторики первых послевоенных пятилеток.

Понятия «друга» и «врага», «своего» и «чужого» традиционно служили опосредованию идеологического дискурса власти и повседневного мировоззрения простых людей, с их представлениями об окружающем мире, ценностями и убеждениями. Важной особенностью послевоенного периода явилась существенная трансформация образов «врага» и «друга» как структурообразующей демаркационной основы идеологии власти, которая разворачивалась как во властных дискурсах, так и в пространстве массового сознания (Фатеев, 1999).

В частности послевоенный образ «врага» усиливал негативные эффекты личности (страх и агрессию) и служил целям сплочения, мобилизации советского общества. Его семантика устанавливала связи между социальным целым «мы», дискурсом власти и чувствами отдельного человека. Собирательный образ «врага» включал как внешних врагов («враждебное окружение Советского Союза», «американские империалисты», «сионисты», и т.п.), так и внутренних («враги народа», «коллаборационисты», «вредители», «космополиты», «агенты западного влияния» и т.п.), и служил целям легитимизации нового социального порядка, установившегося после второй мировой войны.

Соответственно собирательный образ «друга» включал в себя внешних друзей (блок социалистических стран, развивающиеся страны, прогрессивные движения в капиталистическом блоке и т.д.) и внутренних друзей, в роли которых выступала, прежде всего, сама власть и ее представители на разных уровнях руководящей иерархии. Если образ «врага» в Советском обществе был абсолютен, то образ «друга» – относителен и дистанцирован, это был образ своего «другого», опосредованный политическим и идеологическим дискурсом (Фатеев, 1999; Гудков, 2005).

Поскольку послевоенный опыт наших собеседников в значительной степени был фундирован военными переживаниями, то сама эпоха войны, ее начало и завершение, выступили своеобразной точкой

отсчета для нашего исследования. Переломным эпизодом первого послевоенного десятилетия, фактически завершающим одну политическую эпоху и открывающим новую, явилась смерть Сталина. Другим важным событием внутренней жизни страны того времени выступили разоблачения Н.С.Хрущевым преступлений сталинизма на XX съезде КПСС и последовавшее за этим низвержение культа личности Сталина в общественно-политической и культурной жизни СССР.

В области внешней политики СССР наши респонденты увязывали начало и дальнейшее развитие холодной войны с наиболее значимыми на их взгляд событиями: американской атомной бомбардировкой Японии, блокадой Берлина, войной в Корее, Карибским кризисом, войной во Вьетнаме и пр. Кроме того в контексте противостояния капиталистического и социалистического блоков наши респонденты часто вспоминали и о более поздних внешнеполитических событиях эпохи холодной войны – о народных выступлениях в Венгрии и Чехословакии и их последующем подавлении войсками Варшавского договора.

Первый этап нашего проекта был посвящен изучению особенностей идеологического нарратива сталинского послевоенного периода в историческом контексте и определению ключевых точек его трансформации. Критический анализ специальной литературы, посвященной данной проблеме, позволил нам определить основные дискурсы, имеющие отношение к содержательному наполнению идеологием внешних и внутренних «друзей» и «врагов».

Во время второго этапа нашего исследования мы провели 18 развернутых интервью со свидетелями послевоенного времени, проживавшими в западных и восточных регионах Беларуси. Чтобы получить множество индивидуальных ретроспектив «врага» и «друга», мы проводили интервью с респондентами, обладающими принципиально различным военным и послевоенным опытом. В числе наших респондентов были и те, кто принимал участие в военных действиях (ветераны войны, участники партизанского движения), и собственно гражданское население (жители оккупированных территорий, эвакуированные, узники концлагерей и т.д.).

Для сбора личных повествований, отражающих дискурсы повседневности послевоенной Беларуси, мы применяли метод устной истории, имеющий особую ценность для изучения тоталитарных режимов, где, как правило, отсутствует разнообразие исторических источников в силу доминирования одной идеологической парадигмы. Особенность данного метода состоит не в сборе исторических фактов, но в выявлении различных оттенков личностного понимания и оценки исторических событий сквозь призму индивидуального опыта очевидцев.

В ходе концептуального анализа собранных интервью мы выделяли наиболее типичные оценки и позиции наших респондентов, а затем на их основе определяли общую модель эволюции образов «врага» и «друга» в послевоенный период. Сопоставление субъективных повествований наших респондентов с официальной идеологией «друга»-«врага» в послевоенный период позволило нам определить точки разрыва идеологического дискурса в тексте их индивидуального опыта.

Проведенное исследование показало, что образы «врага» и «друга» в обществе тоталитарного типа являются не просто символическими конструктами, но необходимыми компонентами социально-политического контроля в организации социальной реальности. Образ врага призван исключить всякий идейный и ценностный плюрализм, иммунизировать общественное сознание как от инородных интерпретаций и оценок, так и от скепсиса по отношению к официальному идеологическому дискурсу.

Идеологический нарратив исследуемого нами периода советской истории демонстрирует тотальное и бескомпромиссное притязание государственной власти на роль внутреннего друга. Это «дружба», от которой нельзя отказаться, и которая является составляющей более широкого феномена – государственно-политической репрессивности.

Давая оценку эффективности идеологического нарратива исследуемого периода, следует отметить, что большинство респондентов, признавая несправедливость массовых арестов, не сомневаются в наличии подлинных врагов, которые хорошо скрываются, маскируются. Что касается субъективной рецепции идеологического образа внешнего врага, то здесь нами выявлен определяющий характер принципа «наглядности». Подлинная идеологическая валидность свойственна лишь лично пережитому. В то время как безотносительный к непосредственному опыту идеологический нарратив воспринимается скорее на информационном и рациональном, но не на эмоционально-ценностном уровне.

Исследуя трансформацию содержания идеологического конструкта «врага» в послевоенный период, мы столкнулись со значительной инертностью народной исторической памяти. В частности образ немецкого врага, который в идеологическом дискурсе остался в прошлом, в народной памяти еще долго не изживается полностью, продолжая восприниматься некоторыми людьми в качестве вполне актуальной угрозы. Фундаментализация вражеских образов («в доме врага горек хлеб»), перенос их на следующие поколения («дети врагов – враги») отражают глубочайший ментальный травматизм советского и постсоветского общества.

Актуальность собранного и проинтерпретированного нами материала состоит не только в исторической реконструкции «духа эпохи» посредством свидетельств очевидцев. Идеологемы «врага» и «друга» продолжают играть важную функцию в ментальности наших современников. Конкретные персонажи и носители этих образов приходят и уходят, а конструкция, структура некогда созданного дуального идеологического нарратива, остается важным компонентом как внутренней самоидентификации личности, так и ее ориентации в современном геополитическом пространстве.

Библиография

1. Гудков, Лев (2005). «Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции» в Н. Конрадова (ред.), *Образ врага*. Москва: ОГИ.
2. Фатеев, Александр (1999). *Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг.* Москва.
3. Thompson, Paul (2000). *The Voice of the Past: Oral History*. Oxford.